

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.7>

UDC 340.12+340.132
LBC 67.1-2

Submitted: 15.05.2020
Accepted: 08.06.2020

THE PROBLEMS OF SPECIFICATION OF LEGAL PRINCIPLES IN THE DOCTRINE OF THE “EARLIER” R. DWORKIN¹

Sergey N. Kasatkin

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russian Federation;
Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

Introduction: the subject of the paper is the analysis of the concept of legal principles of the authoritative American jurist Ronald Dworkin, formulated by him in the essay “The Model of Rules” and formed the core of his initial challenge to the doctrine of legal positivism. The paper based on the general scientific and specific scientific **methods** pursues a dual **goal** – first, to systematize R. Dworkin’s understanding of the specifics of legal principles and their consequences for the criticism of positivism, and second, to assess the potential of the author’s considered ideas outside of American-British law. **Results:** the paper summarizes the proposed R. Dworkin’s interpretation of legal principles as standards that differ from legal rules in terms of “logical and regulatory” parameters, the grounds for legalizing and significance in judicial justification, and also shows the connection of this interpretation with the negation of the key ideas of positivism. At the same time, it is noted both an unconventional view of R. Dworkin for the domestic jurisprudence and legal practice, the otherness of the criteria for understanding and specification of legal principles, and the insufficiency of a number of the author’s statements. **Conclusions:** on the one hand, the paper states the “weakness” of the arguments of R. Dworkin’s explanation of the grounds for legalizing the principles and their strict opposition to the rules; on the other hand, it emphasizes the value of these arguments for explaining the “weight” of the principles and conflicts between them, for understanding the procedures for restricting the fundamental rights, etc., which makes it necessary and possible to further develop the concept of the American jurist, including taking into account the experience of continental and Russian law.

Key words: legal principles, law, positivism, legal system, legal norm, universality of legal theory.

Citation. Kasatkin S.N. The Problems of Specification of Legal Principles in the Doctrine of the “Earlier” R. Dworkin. *Legal Concept*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 52-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.7>

УДК 340.12+340.132
ББК 67.1-2

Дата поступления статьи: 15.05.2020
Дата принятия статьи: 08.06.2020

ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ В ДОКТРИНЕ «РАННЕГО» Р. ДВОРКИНА¹

Сергей Николаевич Касаткин

Самарский юридический институт ФСИН России, г. Самара, Российская Федерация;
Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация

Введение: предмет настоящей статьи – анализ концепции правовых принципов авторитетного американского правоведа Рональда Дворкина, сформулированной им в очерке «Модель правил» и составившей ядро его исходного вызова учению юридического позитивизма. Статья на базе общенаучных и частнонаучных **методов** преследует двоякую **цель:** во-первых, систематизировать понимание Р. Дворкином специфики правовых принципов и его следствия для критики позитивизма, во-вторых, оценить потенциал рассмотренных идей автора за пределами американско-британского права. Как **результат** в статье обобщается предложенная Р. Дворкином трактовка правовых принципов как стандартов, отличающихся от правовых правил по «логико-регулятивным» параметрам, основаниям юридикации и значимости в судебном обосновании, а

также показывается связь такой трактовки с отрицанием ключевых идей позитивизма. При этом отмечается как нетрадиционность взглядов Р. Дворкина для отечественной юриспруденции и юридической практики, инаковость критериев понимания и спецификации правовых принципов, так и необоснованность ряда утверждений автора. В качестве **выводов** в статье, с одной стороны, фиксируется «слабость» аргументов Р. Дворкина в объяснении оснований юридизации принципов и жестком их противопоставлении правилам, с другой – подчеркивается ценность данных аргументов для объяснения «веса» принципов и коллизий между ними, для понимания процедур ограничения основных прав и проч., что обуславливает необходимость и возможность дальнейшего развития концепции американского правоведа, в том числе с учетом опыта континентального и российского права.

Ключевые слова: правовые принципы, право, позитивизм, правовая система, правовая норма, универсальность правовой теории.

Цитирование. Касаткин С. Н. Проблемы спецификации правовых принципов в доктрине «раннего» Р. Дворкина // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 52–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.7>

Введение

Проблематика правовых принципов – одна из базовых в современной теории и философии права, отраслевой юридической науке, юридической практике. Отталкиваясь от ее актуальности и значимости, в настоящей статье обсуждаются соответствующие элементы концепции известного и влиятельного американского правоведа Рональда Майлза Дворкина (1931–2013), для которого обоснование специфики принципов как отличных от правил юридических стандартов являлось ключевым в его начальной критике позитивизма и формировании альтернативного видения права и судопроизводства.

Структурно статья включает в себя, во-первых, реконструкцию соответствующих идей «раннего» Р. Дворкина на базе его исходного очерка «Модель правил» [8, ch. 2–4], во-вторых, оценку ее значимости / потенциала, в том числе в контексте употребления принципов в российском юридическом дискурсе.

Доктрина принципов «раннего»

Р. Дворкина: реконструкция

Рональд Дворкин выстраивает свое учение на базе критики позитивизма Г. Харта, трактующего право в качестве системы первичных и вторичных правил. Согласно Г. Харту, в основе правопорядка лежит «правило признания», определяющее критерии юридического и обеспечивающее идентификацию права без необходимого обращения к морали.

Отстаивая идею «открытой текстуры» юридического языка и права (неопределенности употребления юридических терминов и правил в пограничных случаях), Г. Харт также заявляет о неизбежности существования судебного усмотрения в правовой системе и его значимости как средства реализации социальных целей и ценностей в меняющихся обстоятельствах [10, ch. 5–9; 4, с. 14–26].

Критикуя Г. Харта, Р. Дворкин опирается на определенную трактовку позитивизма, идейный «костяк» которого он усматривает в следующем:

1. *Тезис происхождения.* Право – это совокупность правил (стандартов категоричного характера), устанавливающих поведение, которое подлежит принуждению / наказанию со стороны публичной власти. Данные правила отграничиваются от иных социальных норм – через критерии в верховном правиле системы – по своему «происхождению» («способу принятия и разработки»), а не по содержанию (моральной ценности) [8, p. 17, 21].

2. *Тезис усмотрения.* Право исчерпывается правилами. При отсутствии ясного / подходящего юридического правила, предусматривающего решение по делу, «применение права» невозможно и судьи «действуют по своему усмотрению» – обращаются к иным, внеправовым стандартам, создавая на их основе новое юридическое правило или дополняя имеющиеся [8, p. 17].

3. *Тезис обязанности.* Существование у лица юридической обязанности (как и правомочия) возможно лишь при наличии соответствующего юридического правила. В его отсутствие

использование судьей усмотрения не обеспечивает реализацию связанного с ним юридического права – ни одна из сторон не имеет предзаданного права на выигрыш дела [8, р. 17].

Р. Дворкин считает позитивизм дефектным, отвергая все эти тезисы.

Во-первых, по мысли ученого, право не сводится к системе формально установленных правил. Оно включает различные стандарты, прежде всего правовые принципы, не действующие по модели «все или ничего» и определяемые через признание в сообществе (в том числе через свой моральный авторитет). Принципы играют главную роль в судебной аргументации и могут нейтрализовать эффекты любого юридического правила [8, р. 22–31]. Не поддаются принципам и формальной идентификации через «правило признания» – их существование, содержание и «вес» обусловлены практикой применения меняющихся и взаимодействующих стандартов правовой системы [8, р. 39–41].

Во-вторых, принципы продолжают действовать и в ситуации «исчерпания» правил, исключая правовую «пробельность». Как следствие, даже в случаях неопределенности судьбы не обладают правотворческими полномочиями (усмотрением в «сильном смысле») и связаны принципами, склоняющими к юридическому решению в ту или иную пользу [8, р. 31–39].

В-третьих, утверждение о юридической обязанности (и правомочии) может базироваться не только на ясных правилах, но и на правовых принципах. Это означает, что даже применительно к сложным судебным делам в праве предусмотрен верный ответ и тем самым соответствующее право стороны в процессе на победу в споре [8, р. 44].

Таким образом, как это следует из приведенных рассуждений, идея специфичности правовых принципов, их особой роли в порядке и судебной аргументации является ключевой в исходном вызове Рональда Дворкина позитивизму и требует особого внимания.

Итак, Р. Дворкин использует понятие принципа в различных смыслах. Изначально ученый использует его в широком смысле, подразумевая все многообразие стандартов, отличных от правил [8, р. 22]. Узкий смысл (акцентируемый уже в последующих работах

автора) подразумевает разновидность стандарта, которому надлежит следовать как «требованию справедливости, честности или иного измерения морали», в отличие от политических ориентиров / целевых установок, обеспечивающих продвижение некоей экономической, политической или социальной ситуации [8, р. 22, 82–84].

В очерке «Модель правил» Р. Дворкин стремится разграничить принципы и правила, опираясь на реальные примеры из (американской) судебной практики.

Первым из них выступает дело *«Riggs против Палмера»* (1889), где обсуждался вопрос о том, вправе ли наследник получить завещанное ему имущество, даже несмотря на то, что ради этого он убил наследодателя. По мнению суда, хотя положительный ответ прямо следует из обязывающего суд законодательства, он противоречит началам общего права, по которым «никому не позволено получать пользу обманным путем, извлекать выгоду из совершенного... правонарушения, основывать... притязание на собственном противозаконном поступке или приобретать имущество благодаря своему преступлению» [8, р. 23].

Другой пример американского правоведа – дело *«Геннингсен против корпорации “Блумфильд Моторс”»* (1960), где решался вопрос о праве автопроизводителя ограничивать свою ответственность за имеющиеся в его автомобиле дефекты. Здесь суд поддержал истца, который, вопреки ограничениям в договоре, требовал от автопроизводителя возместить его медицинские и прочие расходы из-за аварии, обусловленной неисправностями автомобиля, хотя и не мог в обоснование найти четких правил. Суд ссылаясь на целый ряд стандартов: о свободе сторон в договоре и их ответственности, о возможности ограничения свободы договора, о повышенной защите интересов покупателей автомобиля и общества в целом, об обязанности суда не быть орудием несправедливости и проч. [8, р. 23–24].

Апеллируя к этим примерам, Р. Дворкин проводит несколько важных различий между юридическими правилами и юридическими принципами:

1. *Логико-регулятивные свойства.* Во-первых, по мнению ученого, правила (такие как «Скорость движения по шоссе не должна

быть более 60 миль в час», «Завещание без трех свидетелей недействительно» и проч.) действуют категорично («все или ничего»), связывают с оговоренными условиями четкие следствия, предопределяя исход юридического дела. Принципы же не диктуют окончательного решения по делу, дают лишь общий ориентир или аргументы в пользу определенного хода рассуждения, оправдывая различные выводы [8, р. 24–26]. Во-вторых, если правила допускают свою точную полную формулировку, принципы не поддаются подобному определению: контрпримеры какого-либо принципа не мыслятся как соответствующие ему исключения и даже теоретически не могут быть охвачены его более широкой формулировкой, что требует включения реальных и бесчисленных воображаемых случаев его неприменения [8, р. 24–26, 71–80]. Наконец, в-третьих, в правопорядке правила и принципы имеют разные «измерения» – соответственно, «действительность» и «значение» / «вес». При столкновении правовых принципов важность каждого из них подлежит учету, а выбор в пользу применения одного из принципов в конкретном деле не отменяет дальнейшего употребления конкурирующих принципов, их потенциального приоритета для других дел. Юридические же правила не могут вступать в конфликт, поскольку в этом случае лишь одно из них сохранит силу. Решение о выборе строится здесь на внешних конфликтующим правилам установках правовой системы: введению четких коллизионных стандартов либо признанию приоритета правила, основанного на более весомых принципах [8, р. 26–27].

2. *Основания юридизации.* Во-первых, по Р. Дворкину, тогда как правила идентифицируются по своему «происхождению», то есть их действительность в правопорядке связывается с фактом их формализованного принятия и разработки, принципы идентифицируются прежде всего по «содержанию» и включаются в право благодаря признанию со стороны профессиональных юристов или общества в целом, то есть благодаря своей ценностной природе, укорененности в господствующей «политической морали» сообщества. Более того, во-вторых, принципы не сводятся к конкретным случаям своего «институционального подтверждения» и обосновываются через

обращение «к сплаву практики и других принципов, в котором следствия, выведенные из истории законодательной и судебной деятельности, переплетаются со ссылками на обыкновения и представления сообщества» [8, р. 36]. Отсюда, в-третьих, вытекает невозможность идентификации принципов, их применения и веса через сколько-нибудь четкое, всеобъемлющее и стабильное правило (*a lá* «правило признания» Г. Харта) в силу их общей сложности и изменчивости, их определения через множество меняющихся и взаимодействующих правовых стандартов [8, р. 39–44].

3. *Значимость в судебной аргументации.* Согласно автору, в арсенале задействованных судом юридических стандартов именно принципы играют определяющую роль, обеспечивая надлежащие нормативные основания судебного решения и находение наилучшего юридического результата [8, р. 37–38, 65–68]. Причем, как свидетельствуют примеры Р. Дворкина, эта функция принципов носит всепроникающий характер, проявляясь не только в отсутствие четких юридических предписаний (дело «Геннингсен против “Блумфильд Моторс”»), но и в случае несправедливости последних (дело «Риггс против Палмера»).

Описанные особенности правовых принципов, по Р. Дворкину, показывают ограниченность позитивизма (учения Г. Харта), невозможность исправления его фатальных дефектов. Право не сводится к правилам, а правовые принципы всегда связывают судей в их аргументации, так или иначе предопределяя исход судопроизводства. Суждения Р. Дворкина также показывают, что, во-первых, ясные случаи употребления термина / правила (как основа правовой определенности и судебного решения для Г. Харта) утрачивают фундаментальность, будучи открытыми для пересмотра: стабильность значения и обязательность правила вытекают здесь из принятия подкрепляющих их принципов, большего авторитета последних в сравнении с иными стандартами, склоняющими в пользу девиации от типичного употребления, корректуры или неприменения правила. Во-вторых, в отличие от реализуемой Г. Хартом идеи «правил как обыкновений», следование правилу, по Р. Дворкину, будет предполагать его согласованное

применение в контексте многообразных стандартов, а равно подчеркнутую рефлексивность и ориентацию на его наилучшее (а не просто типичное) толкование и осуществление. В-третьих, провозглашаемая ценностная природа принципов, укорененных в «политической морали», в сочетании с их ключевой ролью в праве и судебном решении подрывают позитивистский тезис о возможности четкого формального / «институционального» разграничения юридических и неюридических стандартов, то есть разделения морали и права, что маркирует близость Р. Дворкина естественно-правовой традиции [4, с. 30; 5, с. 11–12].

В итоге, вводимая Р. Дворкином альтернатива – это проект объяснения и легитимации права как совокупности разнородных и взаимосвязанных стандартов, признаваемых и применяемых в сообществе, укорененных в его «господствующей политической морали». Согласно ученому, в своей аргументации судья выстраивает такие стандарты в систему в рамках создаваемой им теории конкретного случая / дела, обеспечивающей одновременно надлежащий морально-политический и юридический результат – решение, которое наиболее соответствует институциональной истории системы (имеющимся законам, судебным актам и проч.) и дает им наилучшее оправдание [4, с. 31; 5, с. 12; 8, р. 66].

Оценка значимости доктрины принципов Р. Дворкина

Характеризуя исходную доктрину правовых принципов Р. Дворкина, следует подчеркнуть ряд моментов.

Во-первых, нужно отметить нетрадиционность данной доктрины для отечественной юриспруденции. Так, принятое здесь определение правовых принципов как «основополагающих идей» или «начал» права имеет весьма общий характер, не позволяя разрешать многие затруднения концептуального и доктринально-прикладного плана. Среди прочего, она не только не обеспечивает четкую идентификацию принципов в системе нормативных предписаний, но, по сути, порождает смешение принципов как собственно юридических стандартов с принципами правовой идеологии, правовой политики, юридической техники

и т. п. Для отечественной теории характерна и непоследовательность в употреблении базового понятия нормы права, когда четко не разводятся ее узкий и широкий смыслы. Так, с одной стороны, правовая норма определяется здесь через официально признанное правило поведения, с другой – наряду с «типичными» выделяют «нетипичные» или «специализированные» нормы права, которые к правилам поведения, строго говоря, не относятся. С этих позиций понятие правового принципа может по-разному соотноситься с понятием правовой нормы (то есть быть ее частным случаем или не быть ею вовсе). Здесь же следует упомянуть трактовку общеправовых принципов как особых источников права, еще больше осложняющую их концептуальное соотношение с правовыми нормами.

В этом плане рассмотренная доктрина Р. Дворкина, а равно связанная с ней полемика, представляют интерес как авторитетный опыт более детального анализа правовых принципов, их спецификации. Указанная доктрина, однако, требует поправки с учетом особенностей континентального права и современной российской правовой системы. Так, в отечественном юридическом дискурсе зачастую практикуется иной критерий выделения правовых принципов. Последние рассматриваются здесь в качестве нормативных позиций, базовых в отношении различных «уровней» правового регулирования (например, положения Конституции РФ функционируют как «принципы» соответствующих отраслей права и законодательства). Отсюда предлагаемый Р. Дворкином вариант идентификации правовых принципов, их противопоставления юридическим правилам не вполне соответствуют отечественному (и, возможно, континентальному) словоупотреблению.

Вместе с тем доктрина Р. Дворкина, сосредоточиваясь на анализе особого типа юридических стандартов, которые отличаются по своему статусу и роли в праве и юридической аргументации (закрепляем ли мы за ними исключительный термин «правовые принципы» или нет), позволяет лучше понять их специфику. В частности, она фиксирует присущее принципам измерение «веса», то есть их функционирование как стандартов «оптимизации» (правовых норм, требующих наиболее полно-

го осуществления чего-либо, исходя из конкретных фактических и юридических обстоятельств) [1, с. 20]. В свою очередь, это позволяет объяснить разрешение «конфликта» между правовыми принципами (по сути, не-тематизируемого в отечественной теории права) с сохранением за ними юридической силы (в отличие от коллизии юридических правил, разрешение которой ведет к утрате одним из них своей действительности). Это также открывает перспективу надлежащего объяснения и широкого применения процедур «взвешивания в праве». Последняя, например, тесно связана с проблематикой основных / конституционных прав и свобод личности, их соразмерного ограничения (для которого традиционная модель коллизии юридических правил не работает). Определенную значимость доктрины Р. Дворкина (при ее дискуссионности) можно также связать с предлагаемым ей объяснением включения принципа в конкретную систему права, когда подобная юридикация осуществляется на базе его признания в сообществе (в противовес или в дополнение позиции отечественной теории, согласно которой правовые принципы прямо закрепляются в законодательстве или выводимы из его положений). Объяснительным значением обладает и тезис ученого о несводимости содержания и веса принципа к конкретным случаям его закрепления / употребления в правовой системе.

Во-вторых, следует обратить внимание на необоснованность или недостаточность ряда элементов доктрины Р. Дворкина.

Так, вызывает возражения однозначность в противопоставлении ученым правил и принципов по основаниям / способам их инкорпорации в право, когда юридический статус первых связывается с «происхождением» (формой и процедурой введения в действие), а вторых – с содержанием (авторитетом). Исходя из многообразия источников права, концептуально допустимым и эмпирически реализуемым является юридикация хотя бы ряда принципов по их «происхождению» (например, в силу закрепления в Конституции РФ и кодификационных актах или поддержке судебной практикой), и наоборот.

Как следствие, под сомнение попадает необходимость «моральной» идентификации

или обоснования правовых принципов. И здесь весьма показательны доводы позитивистов против критических аргументов Р. Дворкина. С одной стороны, (как в «мягком» позитивизме) можно допустить включение в право морально обусловленных принципов, если в конечном счете такая инкорпорация соответствует верховной норме системы («правилу признания»), то есть если такая норма предусматривает моральные ценности или ограничения в числе критериев юридического. С другой стороны, (как в «жестком» позитивизме) можно указывать на ситуации, при которых само действующее право предписывает судьям в сложных делах обращаться к моральным («экстралегальным») доводам: само по себе это не превращает мораль в право, поскольку принципы становятся частью права лишь на основе вступившего в силу судебного решения [5, с. 19; 12, р. 19–26].

Помимо сказанного, в дополнительном обосновании нуждается само противопоставление Р. Дворкином правил и принципов в свете последующей контраргументации позитивистов (в том числе самого Г. Харта), для которых различия между указанными стандартами – вопрос степени.

Так, исходя из характера организации словоупотребления, сочетания здесь стабильных ясных случаев и случаев пограничных (демонстрирующих неопределенность языка), с одной стороны, будет некорректной оценка правил как «закрытых» норм с возможным ограниченным набором исключений, предопределяющих исход дела, с другой – характеристика принципов как всегда «открытых» и меняющихся стандартов, не поддающихся четкому определению [4, с. 29; 5, с. 18]. (Отсюда же следует, что вопреки Р. Дворкину существование правовых принципов не способно выступать абсолютным инструментом устранения правовой неопределенности как в силу возможности различных интерпретаций одного и того же принципа, так и в силу различных вариантов определения «веса» принципов и разрешения возникающих между ними коллизий [10, р. 275].) Необоснованность отмеченной жесткой оппозиции подтверждается и возможностями сохранения правилом своей действительности при коллизии с другим правилом, а равно возможностью конку-

ренции правил и принципов (в том же деле «Риггс против Палмера»), тем более в свете трактовки Р. Дворкином принципов как основы применения правил или их (новой) интерпретации [9, р. 261–263]. Кроме того, вполне допустимы различные варианты решения конфликтов между правилами и принципами, в том числе возможность приоритета первых над вторыми.

Эти и другие доводы возвращают обсуждение к вопросу о критериях спецификации или идентификации правовых принципов. (Интересно, что сам Р. Дворкин указывает на положения Конституции США о запрете принятия Конгрессом закона, ограничивающего свободу слова, которые могут рассматриваться / действовать и в качестве правила (как «абсолютный» запрет), и в качестве принципа (применяться при отсутствии более значимого принципа или цели, допускающих подобное ограничение) [9, р. 27–28]). Если верно то, что один и тот же юридический стандарт может трактоваться и функционировать и как правило, и как принцип, и что условия такой идентификации задаются не его «структурой», а «институциональным контекстом» употребления [9, s. 270–273], исходная доктрина американского правоведа требует дополнения / переработки (что, по сути, и происходит в его последующей доктрине «права как интерпретации» [7]).

Выводы

Доктрина правовых принципов Рональда Дворкина (сформулированная им в очерке «Модель правил» 1967 г. и составившая ядро его первой книги «О правах всерьез» (1977)) разрабатывалась в качестве вызова учению юридического позитивизма и опиралась на опыт американско-британской правовой и судебной системы. Целый ряд аргументов ученого в его споре с позитивизмом во многом не достигли цели, а равно перестали акцентироваться в его дальнейших суждениях по теме (что дало некоторым исследователям основания для вывода об отказе автора от соответствующих идей [11, р. 10]). Тем не менее, даже несмотря на это, рассмотренные воззрения Р. Дворкина по-прежнему представляются ценными в качестве элемента «теории принципов» как особых юридических стандартов и допус-

кают свое усиление и развитие, в том числе в контексте опыта континентального права (что видно на примере авторитетной сегодня аргументативной правовой концепции Р. Алекси [1; 2; 3; 6]).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-01213 «Право как целостность – право как интерпретация: теоретико-методологическая и проблемно-историческая реконструкция доктрины юридического интерпретативизма Рональда Дворкина (1967–1986)».

The reported paper was funded by RFBR, project no. 18-011-01213 “Law as integrity - law as interpretation: theoretical-methodological and problematic-historical reconstruction of Ronald Dworkin’s doctrine of legal interpretivism (1967-1986)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алекси, Р. О структуре принципов права / Р. Алекси // Российское правосудие. – 2017. – № 3. – С. 19–34.
2. Алекси, Р. Формула веса / Р. Алекси // Российский ежегодник теории права. – 2010. – № 3. – С. 208–228.
3. Енилеева, А. Э. Деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси / А. Э. Енилеева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – № 1. – С. 26–33.
4. Касаткин, С. Н. Проблема судейского усмотрения в полемике Харта и Дворкина: линии аргументации и методологические истоки спора / С. Н. Касаткин // Правоведение. – 2012. – № 3. – С. 11–34; № 4. – С. 10–33.
5. Касаткин, С. Н. Учение о правовых принципах и критика позитивизма в работах «раннего» Р. Дворкина / С. Н. Касаткин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия : Право. – 2018. – № 1. – С. 3–22.
6. Alexy, R. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification / R. Alexy. – Oxford : OUP, 1989. – 323 p.
7. Dworkin, R. Law’s Empire / R. Dworkin. – Cambridge : HUP, 1986. – 470, xiii p.
8. Dworkin, R. Taking Rights Seriously / R. Dworkin. – 2nd ed. – Cambridge : HUP, 1978. – 392 p.
9. Günther, K. Der Sinn für Angemessenheit: Anwendungsdiskurse in Moral und Recht / K. Günther. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. – 410 S.

10. Hart, H. L. A. *The Concept of Law* / H. L. A. Hart. – 2nd ed. – Oxford : Clarendon Press, 1994. – 336 p.

11. Leiter, B. *End of Empire: Dworkin and Jurisprudence in the 21st Century* / B. Leiter // *University of Texas Law. Public Law Research Paper*. – № 70. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=598265>. – Title from screen.

12. Shapiro, S. *The “Hart-Dworkin” Debate: A Short Guide for the Perplexed* / S. Shapiro // *University of Michigan Public Law Working Paper*. – № 77. – Electronic text data. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=968657>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Alexy R. O structure printsipov prava [On a Structure of Legal Principles]. *Rossiyskoye pravosudiye* [Russian Justice], 2017, no. 3, pp. 19-34.

2. Alexy R. Formula vesa [A Formula of Weight]. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Legal Theory], 2010, no. 3, pp. 208-228.

3. Enileyeva A.E. Deleniye norm prava na pravila i printsipy v uchenii R. Alexi [Division of Legal Norms into Rules and Principles in R. Alexy's Doctrine]. *Uchyonye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskite nauki*, 2015, no. 1, pp. 26-33.

4. Kasatkin S.N. Problema sudeyskogo usmotreniya v polemike Harta i Dworkina: linii

argumentatsii i metodologicheskie istoki spora [A Problem of Judicial Discretion in Hart–Dworkin Polemic: Lines of Argumentation and Methodological Sources of the Debate]. *Pravovedenie*, 2012, no. 3, pp. 11-34, no. 4, pp. 10-33.

5. Kasatkin S.N. Uchenie o pravovykh printsipakh i kritika pozitivizma v rabotakh «rannego» R. Dworkina [A Doctrine of Legal Principles and Critique of Positivism in Works of “Early” R. Dworkin]. *Vestnik Samarskoy Gumanitarnoy Akademii. Seriya: Pravo*, 2018, no. 1, pp. 3-22.

6. Alexy R. *A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification*. Oxford, OUP, 1989. 323 p.

7. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, Mass., HUP, 1986. 470 p., xiii.

8. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Cambridge, Mass., HUP, 1978. 392 p.

9. Günther K. *Der Sinn für Angemessenheit: Anwendungsdiskurse in Moral und Recht*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1988. 410 S.

10. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Oxford, Clarendon Press, 1994. 336 p.

11. Leiter B. *End of Empire: Dworkin and Jurisprudence in the 21st Century*. *University of Texas Law. Public Law Research Paper*, no. 70. URL: <https://ssrn.com/abstract=598265>.

12. Shapiro S. *The “Hart-Dworkin” Debate: A Short Guide for the Perplexed*. *University of Michigan Public Law Working Paper*, no. 77. URL: <http://ssrn.com/abstract=968657>.

Information About the Author

Sergey N. Kasatkin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of the Theory and History of State and Law, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rylskaya St, 24V, 443022 Samara, Russian Federation; Associate Professor, Department of the Theory of Law and Philosophy, Samara State University of Economics, Sovetskoy Armii St, 141, 443090 Samara, Russian Federation, kasatka_s@bk.ru, tigp@samlawin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5541-9181>

Информация об авторе

Сергей Николаевич Касаткин, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Самарский юридический институт ФСИН России, ул. Рыльская, 24в, 443022 г. Самара, Российская Федерация; доцент кафедры теории права и философии, Самарский государственный экономический университет, ул. Советской Армии, 141, 443090 г. Самара, Российская Федерация, kasatka_s@bk.ru, tigp@samlawin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5541-9181>